

УДК 82.09(470)+929Леонтьев

К ПРОБЛЕМЕ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКОГО МЕТОДА К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

А. В. Хрусталева

Хрусталева Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А., tevlin1982@mail.ru

В статье затронуты социально-политические и эстетические взгляды К. Н. Леонтьева в их связи, показано отражение позиции исследователя в современном литературоведении. Указано, что до сих пор в исследовательской литературе нет последовательной теории метода интерпретации текста.

Ключевые слова: Леонтьев, современная теория метода в литературной критике.

To the Problem of Literary Critical Method of K. N. Leontiev

A. V. Khrustaleva

Anna V. Khrustaleva, ORCID 0000-0001-9015-2523, Yuri Gagarin State Technical University of Saratov, 77, Politechnicheskaya str., Saratov, 410054, Russia, tevlin1982@mail.ru

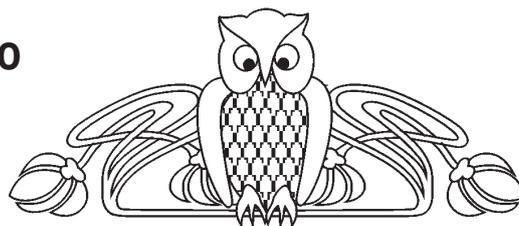
The article touches upon the socio-political views of K. N. Leontiev in their interrelation; it is shown how the viewpoint of the researcher is reflected in the modern literary criticism. It is pointed out that modern research literature does not have a consistent theory of the text interpretation method.

Key words: Leontiev, modern methodological theory in literary criticism.

DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-431-434

Творчество Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891) представляет недостаточно изученную проблему истории русской литературной критики и литературоведения, истории русской общественной мысли. В советский период имя философа, как правило, замалчивалось. Да и сегодня идеи одного из видных основоположников русского консерватизма, монархиста, друга обер-прокурора Священного синода К. П. Победоносцева могут показаться ретроградными. Политической концепцией К. Н. Леонтьева стала теория феодального христианского социализма, связанная с консервативной интерпретацией «русской идеи» на основе христианского обоснования монархии и защиты интересов дворянства.

Православное понимание истории осуществлялось К. Н. Леонтьевым в русле историософской традиции Н. Я. Данилевского. Достаточно сравнить перечень мировых цивилизаций у обоих мыслителей, чтобы убедиться в сходстве их взглядов¹. В то время как Н. Я. Данилевский видел историческую миссию славянства в последова-

тельном раскрытии всех цивилизационных компонентов культурно-исторического типа: религии, культуры, политики, экономики², К. Н. Леонтьев понимал путь их осуществления на основе положительного искания «более организованного строя для своей Отчизны»³, что означает творческое применение в российских культурно-исторических условиях учения Платона о справедливом государстве, свободной теократии В. С. Соловьева. Оба мыслителя рассматривали «русскую идею» как своего рода концепцию союза славянских народов во главе с Россией, подчеркивая самобытность ее национального исторического пути развития, отличного от западноевропейских общественных культурно-исторических условий⁴.

Исходя из положения о тщетности принципа всеобщего блага как отвлеченного начала, не связанного с национальными культурно-историческими ценностями, К. Н. Леонтьев возражал как против космополитизма, так и против племенного национализма как одинаково разрушительных и асоциальных факторов⁵. Резко критикуя Запад, К. Н. Леонтьев считал «среднего европейца» «орудием мирового разрушения». Значительную часть его политической философии занимает критика западного либерализма как не соответствующего условиям русской жизни мировоззрения. По Леонтьеву, современная Европа переживает период «вторичного смесительного упрощения», предшествующий окончательной смерти социального организма романо-германской цивилизации. Социальный идеал Леонтьева – это духовная аристократия: «...именно дальнейший ход цивилизации приведет к тому, что наука государственная, философская, психология и политико-социальная практика признают необходимым поддерживать преднамеренно наибольшую неравномерность знания в обществе»⁶. На этом основании философ возражал против смешения сословий, всеобщей грамотности и демократизации познаний. Любая массовость, по его мнению, чревата гибельными для культуры результатами, поскольку люди по своей природе не равны и навязывать индивидуальности средний уровень социальных стандартов нелепо. Сущностью консервативной политической теории К. Н. Леонтьева является элитаризм, исключая демократизацию культуры. Он направлен против западного либерализма и индивидуализма, представители которого стремятся освободить человека от власти посредствующих социальных групп и добиться социальной атомизации, установив механизм непосредственной обратной связи между

гражданином и государством с целью упрощения и оптимизации государственного управления.

Специфически гротескные формы обретает высокомерно-элитарное отношение к культуре у Леонтьева в вопросах, связанных не только с эстетикой литературного произведения, но и быта. Известно, что выводы о наличии или отсутствии культуры у своего собеседника он мог определять и по одежде: «Ах, Господи, как это Вы не хотите понять? Ну вот Вы, например, хам, потому что на Вас не ряса и даже не кафтан, не поддевка, а европейский некрасивый кургузый пиджак... Разве Вас, например, художник захочет перенести на полотно?»⁷

Точно таким же образом своеобразны были и представления Леонтьева о литературном процессе. Так, он усматривал недостатки стиля у русских классиков, давно уже «венчанских царствие» авторов Золотого века: «...я всё-таки нахожу, что в некотором отношении наша школа просто несносна, даже и в лице высших своих представителей. Особенно несносна она со стороны того, что можно назвать в одних случаях прямо языком, а в других общее: внешней манерой, или стилем»⁸. Леонтьев не одобрял демократизации языка художественной литературы, шедшей со времен натуральной школы, он отзывался о ней так: «...несносные выверты, обороты и выходки, в которых так долго воспитывала всех нас наша русская школа от 40-х до 80-х годов»⁹. Интересно и его мнение о Достоевском: «Трагизм “Войны и мира” полезен: он располагает к военному героизму за Родину; трагизм Достоевского может, пожалуй, только разохотить каких-нибудь психопатов, живущих по плохим меблированным комнатам»¹⁰.

К. Н. Леонтьева, в отличие от ранних славянофилов, стремившихся ослабить политический гнет самодержавного государства на основе развития местного самоуправления, нельзя причислить к сторонникам религиозного народничества. Холодный и скептический ум «русского Ницше» (так впоследствии назовут Леонтьева его приверженцы) питался имперскими идеалами и ценностями. Политическим идеалом К. Н. Леонтьева являлась государственно-правовая концепция «симфонии властей», при которой церковь, государство и общество, сохраняя сферы своей исключительной компетенции, стремятся на основе равноправного и взаимовыгодного сотрудничества к достижению общественного благосостояния. Леонтьев выступал сторонником абсолютной монархии, отмечая, что «никакое польское восстание и никакая пугачевщина не могут повредить России так, как могла бы ей повредить очень мирная, очень законная демократическая конституция»¹¹.

Социальная иерархия, свойственная обществу, связана с социальным служением представителей различных сословий, обусловленным их неравенством. Политические революции, распространение образованности, улучшение путей сообщения, усиление торговли и промышленности, деспотизм общественного мнения – все это способствует

формированию более или менее выраженного социального однообразия. Напротив, складывание новой мистической религии – христианства – и образование новых культурных центров способствуют оформлению реального социального плюрализма, разнообразия старых общественных групп и слоев населения при условии сохранения аристократического руководящего слоя политической элиты общества. К. Н. Леонтьев, выделяя развитие личности и развитие общества в качестве магистральных направлений развития цивилизации, вместе с тем находился на антикапиталистических социальных позициях, выступая против того «однообразия в разложении», которое губит свободную индивидуальность.

Интересно то, как понимает Леонтьев общественное усреднение: «Стремление к среднему типу есть, с одной стороны, стремление к прозе, с другой – к расстройству общественному»¹². Предвидя асоциальные последствия глобализации, К. Н. Леонтьев резко возражал против процессов европейской интеграции как угрожающих геополитическим интересам России, создающим противовес ее могуществу на континенте, поскольку Европа стремится втянуть Россию в интеграционные процессы, включив ее в общеевропейскую федерацию. Для мыслителя были одинаково неприемлемы и западный либерализм, и либерализм русский (как слепое подражание Западу). С этих консервативных позиций Леонтьев вел критику левой оппозиции самодержавию, сохранявшей одно время значительное политическое влияние в земствах¹³.

Таким образом, консервативная трактовка «русской идеи» К. Н. Леонтьевым заметно отличается от ее социально-гуманистической интерпретации, например, в христианском персоналистическом социализме Н. А. Бердяева. Она носит характер ретроспективной утопии, своего рода правоконсервативной интерпретации «третьего пути» общественного развития, одинаково противоположного как буржуазному прогрессу, так и революционному атеистическому коммунизму.

В эстетическом отношении Леонтьеву всегда был свойствен консерватизм. Само собой разумеется, что рано или поздно у любого художника эстетическое вступает в конфликт с этическим, ибо полностью совпадать эти две сферы не могут. Для рассматриваемого автора христианская идея всегда выше любой эстетической мысли, то, что не проходит проверки нравственностью в религиозном понимании, то и не получает творческого развития.

Целенаправленная рецепция Леонтьева в литературоведении началась лишь со второй половины XX в. В числе трудов, посвященных мыслителю, следует назвать работы П. Гайденко, Н. Рабкиной, Н. Ковешниковой, Л. Миночкиной, С. Усманова. Гайденко в статье «Наперекор историческому прогрессу» пытается дать многоохватную картину литературно-критического творчества Леонтьева. Исследователь выделяет две темы леонтьевской критики: эстетическую

и религиозную¹⁴. Большой вклад в раскрытие специфики литературно-критического творчества Леонтьева был внесен С. Г. Бочаровым, утверждающим основным критерием критической оценки Леонтьева так называемое эстетическое охранение. Упомянув о факте превознесения Леонтьевым Ап. Григорьева над В. Г. Белинским, С. Г. Бочаров определяет позицию Леонтьева как «противостояние фатализму». В статье «Эстетический трактат Константина Леонтьева» исследователь говорит о значении леонтьевской критики для общего литературоведения в области теоретических законов поэтики и психологических аспектов эстетики, утверждая актуальность изучения проблемы¹⁵.

Следует внести следующее замечание – все уже подмеченные особенности социально-политических взглядов автора не могут путем прямого перенесения ассоциироваться с его литературно-критическим методом. Метод – не терминологическое клеймо, произвольно проставляемое в удобном месте. Поскольку совершенно очевидно, что к сегодняшнему дню нет иного осмысленного, несущего пользу литературоведению определения исследовательского метода, кроме данного по другому поводу Б. М. Эйхенбаумом: «Слову “метод” надо вернуть его прежнее скромное значение приёма исследования той или другой конкретной проблемы»¹⁶, следует признать, что именно в отношении метода литературоведение продвинулось менее всего.

Исследователь А. А. Виноградов в своей диссертации¹⁷ дает интересную на сегодняшний день оценку литературно-критическому методу Леонтьева, соотнеся политические взгляды мыслителя с эстетическими. В традициях своей школы Виноградов принял в качестве рабочего следующее определение метода: «...наиболее общий принцип, подход к характеристике художественного произведения, творческого пути писателя или литературного процесса в целом, определяющийся совокупностью идейно-эстетических взглядов критика, его мировоззрением и проявляющийся в конкретных приемах и способах критического мышления»¹⁸. Исходя из такого определения, Виноградов отождествляет социально-политические и эстетические взгляды Леонтьева, подчеркивая, что они тяготеют к «охранению», консервативны по существу. Будучи цензором, Леонтьев не был склонен пропускать в печать те идеи, которые шли вразрез с государственной идеологией. Как указывает Виноградов, при оценке конкретного произведения в концепции К. Н. Леонтьева существовали два основных критерия, получившие название «теоретической» и «практической» сторон литературного процесса. Под теоретической стороной Леонтьев подразумевает «эстетические взгляды, эстетические теории, эстетическое мировоззрение вообще; критику философии жизни и прекрасного»¹⁹. Практическая часть – это «художественное исполнение, художественная практика, стихи, повести, романы, драматические творения»²⁰.

Общее русло рецепции взглядов Леонтьева сводится к пониманию его творчества в рамках так называемой «философской» критики: многие исследователи подчеркивают онтологический аспект творчества мыслителя. Абсолютное большинство исследователей, давая обобщенную оценку творчеству Леонтьева, отмечает, что можно проследить последовательное отражение социально-политических идей в его эстетических взглядах. Те идеалы духовной аристократии, о которых ранее приходилось говорить, нашли отражение и в его представлениях о поэтике. Так, с точки зрения Леонтьева, только человек с изысканным литературным вкусом, получивший превосходное элитарное образование, способен создать подлинно художественное произведение.

В числе последних интересных работ можно отметить статью Т. Фоминых²¹. Автор прослеживает по письмам Б. Грифцова к В. Розанову восприятие Леонтьева его современниками. Среди новейших работ следует назвать и статью О. И. Сыромятникова, где указано на специфику крайне тенденциозного восприятия Леонтьевым Достоевского²².

Практически все исследования, выполненные по Леонтьеву, подчеркивают следующие важные характеристики его творчества – примат эстетического над социальным, литературно-критический и литературоведческий снобизм, предпочтение идеалов духовной аристократии. Вместе с тем, хотя социально-политические и эстетические взгляды в достаточной степени изучены, до сих пор не проделана важная работа по жанровой атрибуции трудов Леонтьева. Так, если, как мы видели, Виноградов воспринимает основные позиции мыслителя сквозь призму *литературно-критического* метода, Сыромятников допускает уже определение *публицистика* – в гуманитарном дискурсе два вышеприведенных термина обозначают отнюдь не один и тот же феномен.

С нашей точки зрения, дальнейшая работа в области изучения наследия Леонтьева должна охватить две важных области задач – во-первых, точное терминологическое закрепление специфики метода мыслителя, которое исключало бы многовариантность определений, во-вторых более пристальное изучение аналитических приемов, используемых Леонтьевым при анализе художественного текста. То определение метода, которое было рассмотрено выше, на наш взгляд, подменяет изучение *аналитических* установок констатацией *мировоззренческих* взглядов. Понимание Леонтьевым правильного мироустройства суть исходная позиция его как исследователя, но не метод.

Если рассмотреть Леонтьева на фоне «философской» критики, как это нередко до сих пор делается, то можно заметить, что вопросы психологии творчества его волнуют значительно больше, чем других представителей религиозно-философского ренессанса. Леонтьев всерьез интересуется тем, что писатель умеет видеть и,

соответственно, изображать. Когда С. Л. Франк пишет об А. С. Пушкине, нельзя при чтении избавиться от ощущения, что основная цель, с которой это было написано, – показать Пушкина религиозным мыслителем. Когда К. Н. Леонтьев пишет о Л. Н. Толстом, на первый план выходит характер психологических описаний у Толстого, с какой степенью погружения в переживания героя выписана та или иная сцена.

Работу по освоению и пониманию исследовательского метода Леонтьева, несомненно, еще только предстоит проделать. Но уже сейчас можно сделать два, на наш взгляд, не лишённых смысла замечания в качестве пролога к этой работе.

Во-первых, в русле того эстетического охранения, о котором говорит Бочаров, строится у Леонтьева и концепция повествователя. Полифоническое строение художественного произведения, при котором каждый герой наделен правом индивидуального голоса, не представляется Леонтьеву вполне адекватным действительности. Он замечает: «В памяти нашей, даже и от вчерашнего дня остаются только *некоторые* образы, *некоторые* слова и звуки, *некоторые* наши и чужие движения и речи. Они – эти образы, краски, звуки, движения и слова – разбросаны там и сям на одном общем фоне грусти или радости, страдания или счастья... Никто не помнит с точностью даже и вчерашнего разговора в его всецелости и развитии. Помнится только общий дух... Поэтому я нахожу, что старинная манера повествования (побольше от автора и в общих чертах, и поменьше в виде разговоров и описания всех движений действующих лиц)... правдивее и естественнее»²³.

Эта концепция сближения автора и повествователя вроде бы «роднит» Леонтьева с «философской» критикой. Еще в конце XIX в. Д. Мережковский заявил, что Пушкин представляет собой удивительное гармоническое единство поэта и человека. Когда мы говорим о его поэзии, нужно иметь в виду, что она слита с реальной жизнью в одно целое. Чуть позднее В. Соловьев поддержал Мережковского и открыл в русской «философской» критике традицию рассмотрения Пушкина как единого и неделимого «во всех ипостасях».

Но, с другой стороны, Леонтьев не делает ни одного серьезного исследовательского замечания, опираясь исключительно на факты биографии автора, так как это делали, например, М. О. Гершензон или С. Л. Франк. Таким образом, работы Леонтьева о литературе стоят особняком от биографического прочтения, которое практиковалось Соловьевым

и Гершензоном, потому внимательнее нужно отнестись и к их месту среди других работ русского религиозно-философского ренессанса.

Примечания

- 1 См.: *Данилевский Н.* Россия и Европа : Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-романскому. М., 1991. С. 88 ; *Леонтьев К.* Византизм и славянство // Леонтьев К. Н. Избранное. М., 1993. С. 42.
- 2 См.: *Данилевский Н.* Указ. соч. С. 508.
- 3 *Леонтьев К.* Записки отшельника // Леонтьев К. Н. Избранное. С. 254.
- 4 См.: *Леонтьев К.* Византизм и славянство. С. 112.
- 5 Там же. С. 42.
- 6 *Леонтьев К.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К. Н. Избранное. С. 125.
- 7 *Леонтьев К.* Pro et Contra. СПб., 1995. С. 201.
- 8 *Леонтьев К.* О романах гр. Л. Н. Толстого. М., 1911. С. 13.
- 9 Там же. С. 18.
- 10 Там же. С. 19.
- 11 *Леонтьев К.* Византизм и славянство. С. 35, 37
- 12 *Леонтьев К.* Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения. С. 158.
- 13 См.: *Леонтьев К.* Чем и как либерализм наш вреден // Леонтьев К. Н. Избранное. С. 175.
- 14 См.: *Гайденко П.* Наперекор историческому прогрессу // Вопр. литературы. 1974. № 5. С. 55–120.
- 15 См.: *Бочаров С.* Эстетический трактат Константина Леонтьева // Вопр. литературы. 1988. № 12. С. 188–200.
- 16 *Эйхенбаум Б.* Вокруг вопроса о формалистах // Печать и революция. 1924. № 5. С. 3.
- 17 См.: *Виноградов А. К. Н.* Леонтьев : литературно-критическая позиция : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кострома, 2005.
- 18 Там же. С. 2.
- 19 *Леонтьев К.* Задачи творчества // Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем : в 12 т. Т. 7. М., 2007. С. 302.
- 20 Там же.
- 21 См.: *Фоминых Т. К. Н.* Леонтьев в восприятии Б. А. Грифцова // Вестн. Перм. ун-та. 2010. Вып. 5 (11). С. 121–128.
- 22 См.: *Сыромятников О.* Русская публицистика о Боге и судьбе России (Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев и В. С. Соловьев) // Вестн. Перм. ун-та. 2010. Вып. 6 (12). С. 122–129.
- 23 *Леонтьев К.* О романах гр. Л. Н. Толстого. С. 118.

Образец для цитирования:

Хрусталева А. В. К проблеме литературно-критического метода К. Н. Леонтьева // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 4. С. 431–434. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-431-434.

Cite this article as:

Khrustaleva A. V. To the Problem of Literary Critical Method of K. N. Leontiev. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 4, pp. 431–434 (in Russian). DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-4-431-434.